

Учёный в области национального достояния в 1970-х

Внезапно выражение лица Чэнь Гуйфан стало ещё более разъярённым, и саркастически сказала: "О, Ли Байчжи, ты наконец-то осмелилась выйти?! Ты, проклятая звезда, завидуешь Сянсян, позвала её к озеру и столкнула в воду. Ты злобная и подлая. Ты не сможешь умереть спокойно. Кто же..."

Она обрушила на неё поток брани, и голос её был таким громким, что любой, кто был не таким диким, как она, вообще не смог бы промолвить ни слова...

Даже Байчжи ничего не сказала.

Конечно, она не хотела перебивать, поэтому она подошла, потянула Ли Шуаньмина за собой, отступила на два шага и закрыла Ли Шуаньмина собой.

Затем она просто стояла там, спокойно наблюдая за тем, как Чэнь Гуйфан проклиняет.

Разумеется, брань стала более страстной. Чэнь Гуйфан ругалась очень энергично, но когда Байчжи спокойно встала перед ней и посмотрела на неё с выражением, словно наблюдала за обезьянней выходкой...

Чем больше Чэнь Гуйфан ругалась, тем скучнее становилось.

"Ли Байчжи! Почему ты молчишь?! Почему ты думаешь, что ничего не сможешь сделать со мной, если притворишься глупой?!" Чэнь Гуйфан протянула руку и попыталась схватить Байчжи.

Байчжи подняла кухонный нож, который был у неё за спиной, правой рукой.

Чэнь Гуйфан только что бросилась к ней, и она дотронулась до кухонного ножа.

А движения Чэнь Гуйфан внезапно замерли, её голос застрял у неё в горле.

Зрители тоже были ошеломлены.

Они никак не ожидали, что Ли Байчжи, которая всегда была похожа на пустое место и подвергалась нападкам со стороны других, внезапно вытащит кухонный нож, словно она собирается бороться за свою жизнь!

Когда они снова посмотрели на неё, они снова удивились.

Ли Байчжи раньше боялась быть избитой, редко поднимала на них взгляд, и её глаза всегда уклонялись, но теперь она подняла голову, и её взгляд был твёрд, и зрители внезапно обнаружили, что Ли Байчжи на самом деле очень выдающаяся. И её импульс ещё более удивителен!

Такой импульс — это то, чего они, деревенские жители, никогда раньше не видели, но это не мешает им чувствовать себя необычно.

Все перестали говорить, Байчжи была удовлетворена, а затем посмотрела на всех и сказала: "Я не толкала Ли Сянсян, Ли Сянсян пришла ко мне сегодня, и сестра Чжоу это видела", и задала ей вопрос, глядя на миссис Чжоу.

Свекровь Чжоу на мгновение опешила, а затем внезапно вспомнила и быстро сказала: "Да, да, это Сянсян пошла искать Байчжи. Я также спросила её, как она сдала экзамен. Она сказала, что сдала экзамен хорошо, и хотела выйти на улицу и встретиться с Байчжи, чтобы поговорить!"

Сказав это, она посмотрела на Байчжи, затем на Чэнь Гуйфан и тихо сказала: "Это Сянсян искала Байчжи, так что то, что сказала Гуйфан, неправда..."

Затем она понизила голос.

Голос стал тише, но сейчас было так тихо, и она привыкла говорить громко, что даже если она понизила голос, всем было достаточно слышно.

"Нет, Гуйфан только что сказала, что это Байчжи позвала Сянсян к озеру!"

"О, так есть ещё один секрет!"

"Хотя Байчжи немного говорит, она никогда ничего не делала в деревне в течение стольких лет. Какая плохая вещь..."

"Слова Гуйфан всегда были иррациональными, и она не прощает обид, и она оскорбляет, если кто-то не слушает."

Как только вы улавливаете лазейку в словах оппонента, плюс этот человек всегда оскорблял людей. Впечатление может сразу измениться, как направление ветра.

Услышав это, Чэнь Гуйфан пришла в ярость: "Ли Байчжи! Даже если Сянсян искала тебя, это ты столкнула Сянсян в воду!"

Она протянула руку, чтобы схватить Байчжи, но нож Байчжи всегда был наготове. Глядя на

Байчжи с холодным лицом, рука Чэнь Гуйфан немного заколебалась.

"Какого чёрта!" В этот момент бригадир наконец подошёл с группой мужчин.

Чэнь Гуйфан села на землю и завывала: «Бригадир, посмотри на эту Ли Байчжи, она столкнула мою дочурку Сянсян в воду, и Сянсян до сих пор лежит в постели, не знаю, жива она или мертва, а теперь эта девчонка пытается убить меня ножом. Разберись, пожалуйста!».

Как только бригадир увидел эту картину, у него тут же заболела голова, а когда он увидел Байчжи с ножом в руке, то сразу начал ругать её.

Байчжи: «Бригадир, мне нужен телефон колхоза».

Бригадир на мгновение опешил, а затем подсознательно нахмурился и спросил: «Зачем тебе нужен телефон?».

В то время телефон был редкостью.

Голос Байчжи был не настолько громким, чтобы все его слышали: «Я узнала, что это были три брата Сянсян пришли ко мне домой и сожгли моё приглашение на экзамены, не дав мне поступить в колледж. Я хочу вызвать полицию, ведь сейчас страна сосредоточена на талантах. В период борьбы с преступностью страна точно примет моё сторону!». Когда она закончила, вся деревня вновь замерла в оцепенении.

В деревне не принято вызывать полицию по любым проблемам, да и не знают, как это сделать. Обычно проблемы решают своими силами. Вызов полиции по любому поводу звучит немного пугающе.

Всех только что ошеломили слова Байчжи о вызове полиции, как все вдруг осознали произошедшее — три брата Ли Сянсян сожгли приглашение на экзамены Ли Байчжи?!

«Не говори ерунды!!» — вскричала Чэнь Гуйфан, стараясь не подавать виду, но в её голосе чувствовалась совесть за проступок.

Очевидно, их семья знала, что за сжигание пропускного билета соседа ответственны их сыновья.

Даже Ли Сянсян, подслушивавшая за стеной у соседа, не смогла сдержаться и выбежала в гнев, уставившись на Байчжи: «Ты говоришь ерунду! Я не признавалась, что мои братья сожгли твоё приглашение на экзамены!»

Она не признавала, так что в падении в воду вместе с Байчжи её вины не было.

Байчжи посмотрела на неё, и её выражение лица оставалось спокойным: «А не говорили ли мне, что ты тяжело больна и лежишь в кровати?».

Ли Сянсян подавилась.

Когда все увидели её выражение лица, они сразу всё поняли.

Да, разве она не в коме? Как же ты так хорошо выглядишь, прыгаешь вокруг и подслушиваешь то, что говорят другие?

Даже у бригадира вид был неважный, его взгляд упал на трёх братьев семьи Ли: «Правда ли это? Вы действительно сожгли приглашение на экзамены Байчжи?».

Конечно, все трое затрясли головами. Ли Лаосань оказался самым хитрым и праведно опроверг обвинение: «Конечно же, это невозможно! Ли Байчжи несёт чушь. Она сама не явилась на экзамен, так с чего бы ей обвинять нас? Может ли она предъявить доказательства?».

Байчжи всё ещё держала кухонный нож, её лицо было спокойным и невозмутимым, и она указала кухонным ножом на Ли Лаосана: «Когда ты это говорил, твой голос был на 30 децибел громче, чем обычно, и твои глаза постоянно бегали. Это базовая реакция на ложь».

Её рука переместилась на третьего брата Ли, и её голос был всё таким же уверенным: «Твоя рука застёгивает шов на брюках, ты явно беспокоен, это признаки вины».

Наконец, её рука указала на второго брата Ли, и её голос стал медленным и низким: «Что же касается тебя...».

Изначально второй брат Ли был самым незначительным из троих. Только что он больше всех отреагировал, выдав свою вину. Теперь же, после того, как Байчжи рассказала о первом и третьем братьях Ли, его психологическая нагрузка снизилась до минимума.

Байчжи сказала только три слова, и ей удалось выразить его вину. Он тут же слегка вздрогнул, на его лбу выступил пот, и по его лицу сразу можно было прочесть — я виноват!

Что ж, что касается первого и последнего брата, то жители деревни ничего не видели, но когда наступила очередь второго брата Ли, почти все увидели, что он был виновен!

Байчжи усмехнулся. "Ваша виновная совесть очень очевидна. С таким психологическим состоянием, когда вы придёте в полицейский участок и столкнётесь с полицейскими, умеющими допрашивать лучше меня, они скоро узнают правду и дадут мне правосудие".

Ли Сянсян и её братья онемели, особенно второй Ли, который со страхом посмотрел на бригадира.

Лицо бригадира было очень некрасивым.

Но Ли Сянсян прочитала много книг и год провела с Гу Синьчэнь. Получив много знаний, она сразу же сказала: "Ли Байчжи, у тебя нет никаких доказательств! У тебя нет никаких доказательств, чтобы сказать, что мои трое братьев сожгли твой допуск. Полиция не будет судить моего брата!"

Услышав это, Ли Лаосан немедленно обрел уверенность и, глядя на Байчжи, стиснул зубы, отрицая всё: "Мы не делали этого!"

"Да, наша семья не имеет к этому никакого отношения..." Чэнь Гуйфан сразу же начала снова кричать и выла.

- Это софистика, все знали, кто сжёг или нет, и все видели в это время!

"Заткнись!" Бригадир сверкнул на них злым взглядом.

Чэнь Гуйфан и другие поспешно замолчали.

Бригадир снова посмотрел на Байчжи и сказал: "Байчжи, у тебя действительно нет никаких

доказательств, кроме этого, и ты не можешь гарантировать, что это сделали три брата".

"Поэтому я иду в полицию. Я верю, что полиция может дать мне правосудие. Вступительные экзамены в колледж были только возобновлены в прошлом году. Государство придавало большое значение этому аспекту. Я пойду в полицию и в Управление по образованию. Я верю, что они дадут мне правосудие!" Голос Байчжи был твердым.

Выражение лица бригадира ухудшилось, и через некоторое время он сказал: "Это пустая трата времени, и это также позор для нашей деревни Лицзя! Проблемы в нашей деревне должны решаться в деревне, и они компенсируют вам позже некоторыми трудовыми. У вашей семьи есть старики и дети, так что не переутомляйтесь, учитесь упорно и сдавайте вступительные экзамены в колледж в следующем году, и поступите в хороший университет!"

Хотя нет никаких доказательств, очевидно, что почти все видят, что это действительно сделали братья Ли Сянсян.

Если Байчжи продолжит доставлять неприятности, и она действительно пойдет искать полицию и Управление по образованию, то его как бригадира тоже будут критиковать.

Поэтому лучшим способом бороться с грязью было решить ее в пределах деревни.

"Почему?!" — спросила Чэнь Гуйфан.

Бригадир гневно ответил: "Тогда спроси полицию!"

Чэнь Гуйфан немедленно перестала говорить и не посмела произнести ни слова.

Это дело завершилось, с ними все в порядке после падения в воду, поэтому, естественно, они не сделают ситуацию еще хуже.

Был сделан вывод, что три брата семьи Ли сожгли допуск Ли Байчжи. Что касается допускного документа, семья Ли Сянсян компенсировала его трудовыми, чтобы у Байчжи было немного еды на следующий год, чтобы она могла учиться спокойно.

У Чэнь Гуйфан все еще было свое мнение, но когда она думала об отделении полиции, ей было немного страшно, и она не посмела подать голос.

Прямо вернувшись домой, она широко распахнула дверь. Она кричала на дверь по соседству, очевидно, ругаясь на Байчжи, поскольку она также была огорчена, что трудовые вот-вот уйдут из ее семьи. Насколько еды ей придется обменять?

Зачем отдавать Ли Байчжи просто так?!

Три брата семьи Ли тоже были недовольны и отправились домой с угрюмыми лицами.

Ли Сянсян с красными глазами: "Брат, как ты можешь быть таким тупым, за что ты виноват? Она ни за что не сможет отправить тебя в полицейский участок. Теперь вся деревня знает! Как я смогу выйти из дома в будущем!"

Только что придя, она услышала, как односельчане указывают на них и говорят об этом, и она все еще могла слабо слышать, как некоторые недовольно говорят-

"Семья Ли Дачжу и вправду не имеет стыда! Они даже сожгли ее вступительные билеты!"

"Эти трое братьев в семье и правда плохие".

"Не знаю, связано ли это с Ли Сянсян?"

"Конечно, связано, разве она не знала об этом? И учитель из коммуны сказал, что оценки Байчжи были лучше, чем у Ли Сянсян. Видимо, она хотела поступить самостоятельно, с меньшим количеством конкурентов!"

"Тск тск, раньше думал, Ли Сянсян хороший человек, а теперь кажется, что это не так".

Думая об этом, Ли Сянсян вернулась в комнату и заплакала.

Чэнь Гуйфан ругала людей во дворе, а Ли Дачжу сидел и мрачно курил кальян.

В их семье много сильных работников, и даже если бы рабочие баллы распределялись, этого было бы достаточно для пропитания. Но этот инцидент был постыдным, слишком постыдным.

Трое братьев семьи Ли посмотрели друг на друга, и третий Ли мрачно произнес: "Об этом нельзя забывать! Эта Ли Байчжи действительно заслужила урок, она обидела Сянсян, и теперь нам очень стыдно!"

Первый Ли и второй Ли кивнули.

Втроем они собрались вместе и стали обсуждать, как преподать Байчжи урок

"Почему ты не продолжил доставлять неприятности, хозяин? Это так несправедливо! Изначальная владелица не сдавала вступительный экзамен в этом году, как можно компенсировать эту потерю всего несколькими трудовыми баллами?!" Система 444 слегка разозлилась.

Поразмыслив над этим, она сказала: "Хозяин, у тебя действительно низкий уровень эмоционального интеллекта. Если ты решить этот вопрос таким образом, Ли Байчжи определенно не останется удовлетворена, и она точно не даст тебе хорошей оценки! Если ты не сможешь набрать 50 баллов, хозяин провалит задание. Вычет баллов, так как у хозяина в настоящее время нет баллов, после вычета они станут отрицательными!"

Байчжи хотела снова поправить очки, но сдержалась и сказала: "О, 444, разве ты не должна называть меня господином?"

Система 444 больше не разговаривала.

Она явно чувствовала, что Байчжи не достойна быть ее владельцем. Из только что произошедших событий она сделала вывод, что Байчжи никогда не получит проходной балл. Трое живущих по соседству людей все еще обсуждали, как с ней расправиться. Возможно, Байчжи не выживет после сегодняшнего дня.

Байчжи не волновало, что система не хочет называть ее господином, она просто сказала: "Что мне с ними делать, зачем мне тратить время на бессмысленные дела?"

Она не любит чушь, она любит быть практичной.

Она вышла только для того, чтобы смыть грязь, вылитую на изначального владельца. А как насчет мести соседу? Просто полагаться на пустые разговоры слишком долго и слишком дешево для них.

Система 444 умолкла, она уже приговорила Байчжи к смерти.

Она не знает, сколько лет изначальному владельцу придется ждать другого хозяина.

После стольких лет ожидания они получили Байчжи в качестве хозяина системы желаний. Это действительно неудачно.

Конечно, это самая невезучая система в мире!

У автора есть что сказать.

[Дорогие читатели, не ненавидьте 444, позже она будет не такой! И есть причина, по которой она такая. Это будет объяснено в конце.]

[444: Так что, пожалуйста, не ругайте меня, я знаю, что не заслуживаю этого]

<http://tl.rulate.ru/book/79160/3965599>